

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ОДИНОКИЙ БУНТАРЬ

Формулировка "второй московский авангард" принадлежит художнику Михаилу Гробману. Умница, всезнающий, все читающий искусствовед и художник Сергей Князев мгновенно определил возможность переориентировать это определение и ввел в искусствоведение, краеведение понятие "второй одесский авангард".

Можно смело утверждать, что у истоков второго одесского авангарда стоял Олег Соколов. Можно и нужно помнить о зарождении группы "нонконформистов" в квартире Александра и Риты Ануфриевых. Но жест, внятный, откровенный, прозвучавший как пощечина официальному Союзу художников, был сделан двумя, тогда молодыми, художниками, навсегда вписавшими свои имена в историю искусства нашего города (а сейчас уже ясно, что всего тогдашнего Советского Союза) — Станиславом Сычевым и Валентином Хрущевым. Это произошло в тот самый день, когда они в 1967 году развесили на заборе вокруг Оперного театра — там шел ремонт — картины, не принятые выставочным на официальном выставку.

"Сычик + Хрущик"... Уже нет среди нас ни Валика Хруща, ни Славы Сычева. Очень разные в то мгновенье истории, они дополняли друг друга. Сычев монументально, как скифская баба, сидел на ступеньках ЗАГСа, а легкий, моторный Хрущ бегал к телефону-автомату — звонил знакомым, звал на это немислимое по тем временам зрелище. Но главное — не поведение художников, а картины. Что испугало в них выставочном? Лирические натюрморты Хруща, женские портреты Сычева вроде бы не несли никакой крамолы. Но тогдашние вершители судеб особым нюхом чуяли, что слишком много свободы позволили себе молодые художники...

Недавно в Музее современного искусства состоялась большая выставка работ Валентина Хруща, вышел альбом, посвященный его творчеству. Станислава Сычева, его место в истории одесской живописи, еще предстоит осознать. И оценить. Этому должна содействовать и выставка, которую проводит Музей современного искусства Одессы.

Пользователи Интернета знают, что многие тексты сопровождаются "теги" — ключевые слова, по кото-

рым можно найти нужную информацию. К этой я бы поставил: Бунтарь, Одиночество, Талант, Нежность и Ярость. Если кому-то покажется, что уже в этих словах есть противоречие, они будут правы. А кто когда сказал, что талант не соткан из противоречий, из бури и натиска?..

Станислав Сычев окончил Одесское художественное училище. Не все его друзья тех лет выдерживали эту муштру, многие уходили после первого, второго курса. По воспоминаниям Дины Михайловны Фруминой мы знаем, что "Сычев развивался семимильными шагами и к окончанию училища был уже вполне сложившимся художником". Окончил училище он в 1960 году. Но, защитив диплом, понимал, что в первый раз согрешил против искусства, что путь, намеченный в училище, для него — тупиковый. Уже в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов для него эталоном свободного искусства, плавной линии, насыщенного цвета стал Поль Гоген.

Помню, как-то в начале шестидесятых годов пришел ко мне в гости, на Кузнечную, Слава Сычев с поразительно красивой восточной красавицей, своей женой-корейкой. Меня, знавшего русскую поэзию, поразило вчувствование Сычева в Верлена, Бодлера, Рембо. "Цветы зла" он знал наизусть, сопоставлял этих поэтов с Гогеном, провидел свой путь в поисках неразгаданной Азии как своего Таити.

И когда в конце 60-х годов я увидел большую (по тем временам) выставку Станислава Сычева в Союзе писателей, на Пушкинской, то ощутил, насколько четко выстраивает свой путь художник. Здесь были и декоративные пейзажи, привезенные из Средней Азии, и трагические, не побоюсь этого слова, картины-предчувствия, переосмысленный опыт французских "проклятых поэтов". Это и "Бык", как бы рушащий мир коридоры, и "У окна" — одиночество человека, распластанного между прошлым и будущим. Если бы можно было одним словом выразить впечатление от той выставки, я сказал бы — крик. Это не был крик с просьбой о помощи, это было предчувствие безнадёжности.

Тогда, на выставке в Союзе писателей, состоялся разговор. Помню выступления Владимира Домрина, Александра Батрова. Их

испугала бескомпромиссность выставки, они уговаривали художника найти "конструктивное начало". И только Игорь Неверов спокойно произнес, что предельная искренность делает эту выставку событием, пройдут годы, и об этом вернись же вспомнят как о вернисаже большого мастера.

Мне запомнилось, как Сычев объяснял писателям многообразие толкований красного цвета. Тогда от него я впервые услышал об Александре Волкове, всю жизнь прожившем в Ташкенте, чью экспрессивную "Красную чайхану" Слава сравнивал с декоративной "Красной комнатой" Матисса. И это было выступление не только художника-профессионала, но и философа.

Путь Станислава Сычева был путем оппозиции к официальному искусству. Не политической оппозиции, а эстетической. Именно поэтому он участвовал во многих "квартирных" выставках. Не отказываясь, если была возможность выставить свои картины в Союзе художников, более того, один раз даже состоялась выставка четырех — Алексея Лопатникова, Люсьена Дульфана, Владимира Стрельникова и Станислава Сычева. Но если выставка на заборе просуществовала три часа, то выставка в Союзе художников — три дня. Ее закрыли как "декадентскую". По словам Сычева, единственный, кто возражал против этого из членов правления, был Александр Ацманчук.

И вот, представьте себе, последние двадцать лет — ни одной официальной выставки. И это для художника, который работал, как раб на галере, создавая за месяц до десяти картин. Нужно ли удивляться, что иногда в приступе тоски и безнадёжности, в состоянии ярости он собственноручно уничтожал свои работы. Нужно ли удивляться, что с такой же частотой, как в мастерскую, он приходил в бар гостиницы "Красной", ставший в те годы местом обитания многих одесских художников... Может быть, если бы он в эти годы жил среди единомышленников, ему легче было бы переносить невостребованность. Но так не случилось.

Сейчас, спустя годы, бессмысленно выяснять, кто в чем был виноват. Не каждый художник понимает, что его путь в искусстве не закон для других. Думаю, так

и произошло со Станиславом Сычевым, когда его товарищи не уговорили, не оплатили какую-то его заказную монументальную работу (в те годы это была чуть ли не единственная возможность заработать деньги, но одни относились к "монументалке" как к творчеству, другие как к подвальной "халтуре"). Правы по-своему были все, так как ставили перед собой разные цели. Станислав Сычев уже и по эстетическим, и по этическим разногласиям отказался от общепринятого. Ушел в отшельничество.

Одинокий бунтарь. Как примета города, как знак времени, это восхитило многих. Но как это страшно, если представить, во что превращалась жизнь художника. Какими были его картины этого времени? Помню серию работ — около десяти — маслом, акварелью, углем — "В трамваях". Люди, униженные обществом, люди, над которыми измывается даже техника, одинокие в толпе. И ряд работ с красными флагами. Слалом среди флагов, на другой — древки от флагов, вбиваемые в землю. Почти карикатурное восприятие мира, но написано мощно, особенно "Трамвай", как всегда, цвет говорит больше, чем сюжет...

Часть из этих работ мы увидели в 1989 году на выставке в Музее западного и восточного искусства. Случилось чудо — Олег Соколов и Вениамин Млынчик предложили Сычеву за два дня подготовить выставку. То ли директор ушла в отпуск, то ли сорвалась запланированная экспозиция, то ли изменившийся в перестройку климат, важно другое: Слава привез в музей грузовик картин. Чудо состоялось! Он стоял у входа на выставку, как всегда, в лохматом свитере, а за спиной у него — три зала превосходных работ...

24 октября 1989 года я опубликовал в "Вечерней Одессе" диалог с искусствоведом Людмилой Сауленко, первый появившийся в печати материал о 52-летнем мастере. Приведу несколько абзацев из своего текста. И потому, что и сегодня мог бы подписаться под ним в целом, и потому, что вокруг этих строк у меня возник разговор со Станиславом.

"Мне кажется что в основе живописных уроков Станислава Сычева — французская живописная школа конца XIX — начала XX века... Ведь Восток, японцы, к при-

меру, воздействовали и на постимпрессионистов. Я гляжу на картины Сычева и вижу, насколько важно было для него "переболеть" Гогеном и Тулузом-Лотреком, чтобы, осознав путь, прийти к самому себе, к монументализму и лирике, сплывленным воедино, к жесткому неприятию мира и отчаянной любви к нему же, потому что от этого мира — нравится он или не нравится — никуда не уйти.

И еще — у Сычева действительно есть литературные, культурные ассоциации. И картина "О Шекспире" — яркий пример. Но в целом, я в его живописи вижу больше обращений к миру духа, чем к миру искусства. Но вот в отличие от очень многих своих товарищей по училищу, по творчеству, он не старался создать образ "своей Одессы". У него есть Город, который ему кажется жестоким и манящим одновременно. Это не продолжение "одесской школы", а отражение его жизни, боре с тем временем, тем миром, который мы сейчас определяем как "застой"...

Поэтому повторяю: агрессивная живопись и картины-крики. Да, это не умирительное отражение красоты природы. Это столкновение личности со средой, отвергающей эту личность. Причем мне кажется очень важным еще и то, что в живописи С. Сычева откровенно присутствует мужская мощь, мужское начало. В то время как все наше искусство проповедовало под видом нравственности некую бесполость. Станислав Сычев, отнюдь не создавая эротического искусства, внятно заявлял эту силу, которой мы так восхищаемся в живой природе".

Через несколько дней в подвале музея, в "мастерской" Олега Соколова, мы отметили открытие выставки. Слава протянул мне газету, где были выделены эти слова. "Я скоро умру, — сказал могучий красавец Сычев, и я улынулся. — Не улыбайся, обещаю, что в книге обо мне ты повторишь эти слова". А потом у С. Сычева были еще выставки — в том же музее, в галерее "Мост". Но все казалось, что все это только подступы к главной выставке. Тогда трудно было представить, сколько его картин разошлось по частным коллекциям всего мира. И сколько он уничтожил. В 2003 году в возрасте 66 лет не стало самого художника.

И все же приходит время собирать камни, собирать картины. Когда-то в трогательной статье о Станиславе Сычеве, о легенде вокруг его имени искусствовед Ирина Тимохова процитировала точный афоризм Ганса-Христиана Андерсена. Позволю себе напомнить его читателям: "Трудно жить после смерти. Иногда для этого необходима вся жизнь".

Любовь ЗАЕВА

Возвращение отреченных

Музею современного искусства Одессы поэтессой Мариной Лазаревой, женой писателя Родиона Феденева, из семейного архива была подарена картина художника Николая Новикова "Возвращение отреченных".

Николай Новиков — одна из легенд одесского андеграунда. Ему, обладавшему врожденными художественными способностями (он был прекрасным рисовальщиком, владевшим линией редкой выразительности), выпала тяжелая судьба.

Родился в Москве, юные годы провел в детском доме. Неоднократные тюремные заключения за бродяжничество (4 раза) не могли не наложить отпечаток на его личность и творчество.

Николай Новиков нарисовал огромное количество работ, чаще всего на бумаге тушью. Это и деформированные человеческие тела в точно схваченных эмоционально напряженных позах. Мужские и женские торсы, детские фи-

гурки и головы с выразительными глазами и нимбами. Художник часто изображает храмы, в основном, заколоченные, с покосившимися крестами и наклонными куполами. Часто встречающийся атрибут — колючая проволока: на храмах, людях, везде... Во всем изображаемом — очевидный символизм, трагедийность и часто покорность. Все тщательно прорисовано. Тонкость, строгость и точность рисунка безукоризненны — этому нельзя научиться, если человек не был изначально одарен.

Подаренная музею картина под названием "Возвращение отреченных" выполнена на многослойной фанере в желто-зелено-коричневых тонах в смешанной технике, что чрезвычайно редко для творчества Н. Новикова. Ему негде, да и некогда было работать красками, поэтому его живопись редко встречается.

В широком черном контуре изображена группа движущихся людей с нимбами вокруг голов, с простыми печальными изможденными лицами. Ничто не нарушает атмо-

сферы глубочайшей душевной сосредоточенности. Их вид печально-отрешенный, взгляд задумчив. На переднем плане картины изображена более крупная фигура человека, также с нимбом вокруг головы. Глаза написаны выразительно, сосредоточенно глубокими, почти застывшими на этом иконописном лице. Перед нами человек, всецело ушедший в невеселые размышления о самом сокровенном, познавший всю сложность жизни, горечь сомнений и разочарований. Человек чувствует себя чужим и одиноким в окружающем мире. Он познал ощущение трагической неодолимости противоречий действительности, которая напоминает о себе везде, и в конкретности фона, и в самой одежде его и других, изображенных с ним. От них веет отчуждением от напряженного ритма, они замкнуты в себе и находятся в мире глубокого и сосредоточенного размышления о своей судьбе. Очевидно, что эти образы тесно связаны с самими личными и сокровенными переживаниями самого художника.

На заднем плане картины изображены купола многочисленных храмов, что символизирует религиозные искания, которые притягивают в храм, к вере. Движущиеся фигуры изображены идущими от храма, как будто они своими страданиями уже смыли грехи и открыли себе путь к вечной жизни. Образы изображены в строго каноническом духе. Глубокая задумчивость, смешанная с грустью, затуманена предчувствием грядущей судьбы.

В христианской традиции образ святого — символ простоты и скромности, терпения и смирения, трудолюбия. Изображение фигур на фоне храма, несмотря на то, что они обращены к нему спиной, подчеркивает их связь с миром духовным. Они вышли из церковной обители, переосмыслив свой дальнейший путь. Их лица выражают покорность Судьбе. Эти образы вырастают до эпической, почти библейской высоты. Скрытое философское, духовное содержание картины открывает нам отношение автора к людям, к миру, трактует его понимание добра и зла. Нравственная направленность произведения достаточно очевидна, не требует особого анализа.

На обратной стороне картины обнаружен следующий текст: "Новиков Н.Я. 21 августа 1935 года

рождения г. Москва, вечный бродяга, бывший детдомовец города Казани, сидел в малолетке 3 года и взрослая тюрьма 5 лет, неудачный художник. Прошу тебя, друг, если меня не уважаешь, уважай наших работяг славян. Да вечно живет твоя семья и гордость русского народа".

При изучении этого произведения возникла необходимость идентификации даты написания работы. Как указывалось ранее, в тексте на задней стороне картины написано, что автор провел к этому времени в тюрьмах 5 лет. Из анализа материалов уголовного дела Николая Новикова следует, что это соответствует моменту выхода на свободу после третьего заключения в августе 1980 года, так как через несколько месяцев Н. Новиков был осужден вновь за бродяжничество еще на один срок (1 год и 6 месяцев). Поэтому можно утверждать, что работа написана в августе-октябре 1980 года.

Н. Новиков считал своей особенностью бездомность как принципиальный и эпатажный образ жизни. "Отклоняющееся поведение" было стилем его жизни. Возможно, такое поведение позволило ему войти в местную мифологию и даже в историю искусства города Одессы.